

Сравнительное изучение социально-экономического развития хэчжэ КНР и коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России¹

Юрий Викторович Латушко,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра политической антропологии ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: latushko@mail.ru

Иван Валерьевич Ставров,

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела китаеведения ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: stavivan@mail.ru

Статья о сравнительном изучении социально-экономического положения коренных малочисленных народов амуро-сахалинской этнографической области (в первую очередь нанайцев). В основе работы — исторические, этнографические, юридические источники на русском и китайском языках, полевые материалы Ю.В. Латушко, включая стандартизированные интервью. Авторы приходят к выводу о наличии у коренных малочисленных народов как схожих тенденций развития, так и определённой специфики. Несмотря на лучшую сохранность языка и традиционной культуры у коренных народов Амура России по сравнению с хэчжэ КНР, последние характеризуют более высокий субъективный уровень удовлетворённости жизнью.

Ключевые слова: социальная антропология, этносоциология, китаеведение, социальная история, демография, коренные народы, Россия, Китай, Амур, хэчжэ, нанайцы, компаративистика.

A comparative study of the socio-economic development of Hechzhe in China and the indigenous peoples of southern part of Russian Far East.

Yuri Latushko, Cand. Sc. (History), a senior fellow at the Center of political anthropology, IIAE FEB RAS, Vladivostok.

Ivan Stavrov, Cand. Sc. (History), a researcher at the Department of Chinese Studies, IIAE FEB RAS, Vladivostok.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов: JSPS “The Cultural Adaptation in Forest Areas of the Russian Far East”, РГНФ № 12-01-00154а «Российско-китайское трансграничное пространство в начале XXI в.: политические, социально-экономические и этнокультурные аспекты взаимодействия», ДВО РАН № 13-III-B-11-215 «Традиция и «посттрадиция» в обществах коренных малочисленных народов Нижнего Амура и Сахалина», а также госзадания Министерства образования и науки РФ 6.8645.2013 «Междисциплинарные исследования механизмов межкультурной коммуникации в АТР».

The article is devoted to a comparative study of the socio-economic situation of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin ethnographic area (primarily Nanai). At the heart of the paper are Russian and Chinese historical, ethnographic, legal sources, field materials of Yu. Latushko, including some standardized interviews. The authors come to the conclusion that indigenous peoples have similar development trends, as well as some specifics. Despite the better preservation of the language and traditional culture of the indigenous peoples of the Amur Russia over Hechzhe (China), the latter is characterized by a higher level of life satisfaction. **Key words:** social anthropology, ethnosociology, Sinology, social history, demography, indigenous peoples, Russia, China, Amur River, Hechzhe, Nanai, comparative studies.

В сентябре 2012 г. проведена экспедиция к хэчжэ провинции Хэйлунцзян (КНР). Пройдя свыше 2000 км по местам компактного проживания хэчжэ в районе рек Амур, Сунгари и Уссури, учёные собрали большой фактический материал. Кратковременность пребывания и языковой барьер скорее дали больше вопросов, чем ответов, но опыт изучения данной культуры очень важен, особенно с точки зрения историко-антропологической компаративистики. Как известно, после проведения границ между Россией и Китаем по Пекинскому договору 1860 г. нанайцы оказались разделённым народом, что ускорило фрагментацию этноса. Хотя предпосылки территориального обособления различных его ветвей (уссурийской, сунгарийской, амурской групп) сложились ранее и были следствием того, что Маршалл Салинз применительно к другим (полинезийским) обществам называл ёмким определением «differentiation by adaptation», и данный процесс начался задолго до проведения государственных границ. В настоящей статье мы бы хотели обратиться к опыту сравнительного изучения хэчжэ/нанайцев по обе стороны границы, с тем чтобы выделить общее и индивидуальное в их социально-экономическом и культурном развитии.

По мнению китайских авторов, первые сведения о хэчжэ (современное «хэчжэцзу») встречаются в китайских хрониках I тысячелетия до н.э. В эпоху Мин (1368—1643 гг.) их называли «ньюйчжэнями», а наименование «хэчжэ» закрепилось лишь в эпоху династии Цин (1644—1911 гг.). Хэчжэ также называли «хэйцзинь», «хэйчжэ», «хэцзинь». Собственно термин «хэчжэ» появляется около 1663 г. в «Цин Шэнцзу шилу» (Хроника правления цинского Шэн-цзу). Впервые в научном обороте «хэчжэ» встречается в книге «Хэчжэ низовий Сунгари» (Сунхуацзян сяю дэ хэчжэцзу) (1934 г.) [32, с. 108—111].

Ко времени образования КНР (1949 г.) хэчжэ проживали в уездах Тунцзян и Жаохэ. Всего по Первой всекитайской переписи населения 1953 г. в провинции Хэйлунцзян их насчитывалось 453 чел. [37, с. 78].

Социально-экономические и социально-политические преобразования коммунистического Китая затронули и национальную сферу. Ос-

новой стало учреждение системы районной национальной автономии. По Конституции 1954 г. выделялись следующие ступени районной национальной автономии: автономный район (миньцзу цзычжи цю), автономный округ (миньцзу цзычжи чжоу), автономный уезд (миньцзу цзычжи сянь) [6, с. 44—48]. Принципом учреждения автономных районов было наличие проживающих в нем компактных групп неханьских национальностей. Национальные волости (миньцзусян) и посёлки (миньцзу чжэнь) исключались из списка районов национальной автономии из-за небольшого размера.

Новое законодательство закрепляло следующие автономные права: использование в делопроизводстве письменности национальности, осуществляющей автономию; развитие национального языка и письменности; подготовка национальных кадров; развитие местной экономики; развитие науки, культуры, здравоохранения всех национальностей, проживающих на территории автономии; принятие отдельных постановлений местного значения. При этом система районной национальной автономии носила ярко выраженный административный характер. Принятые в период 1949—1958 гг. законодательные акты способствовали организации автономных районов в стране. На Северо-Востоке в этот период были основаны Яньбянь-Корейский автономный округ, Горлог-Монгольский передний, Чанбай-Корейский автономные уезды провинции Цзилинь. В Хэйлунцзяне — Дурбот-Монгольский автономный уезд и в провинции Ляонин Калацинь-Монгольский левый и Фусинь-Монгольский автономные уезды [33, с. 639, 640]. Народ хэчжэ, ввиду малочисленности, не мог образовать свой автономный район даже уездного уровня. В связи с этим были основаны национальные волости Бача (1956) и Цзецзинькоу (1963) [31, с. 153]. Деятельность национальных волостей регулировалась «Некоторыми указаниями Госсовета относительно образования национальных волостей» (29.12.1955). Настоящий документ позволял в местах совместного проживания этнических меньшинств с ханьцами, либо другими национальными меньшинствами (шаошу миньцзу) образовывать национальные волости. Как правило, возможность создания таких административных единиц предоставлялась национальностям, составляющим 10 и более % от всего населения территории. В результате к 1958 г. в масштабах страны было создано свыше 1300 национальных волостей [34, с. 463—464].

В период «большого скачка» (1958—1961) и «культурной революции» (1966—1976) происходит распространение кампании «чжэнфэна» («упорядочения стиля») на неханьские районы. Дэн Сяопин в своём докладе на 3-м расширенном пленуме ЦК КПК 8-го созыва (23.09.1957) заявил о необходимости бороться с «местным национализмом» кадровых работников из национальных меньшинств [4, с. 20]. В годы «культурной революции» проводилась политика слияния национальностей. В руководстве национальных районов стали доминировать ханьцы (все губернаторы

и секретари КПК были исключительно китайцами). Фактически начал действовать запрет на использование национальных языков и т.п.

С 1978 г. начинается эпоха «реформ и открытости». Многие перекосы прежнего периода постепенно сглаживались. На прошедшем в сентябре 1982 г. XII Всекитайском съезде КПК прозвучал тезис о стратегической важности национального вопроса [22, с. 54]. А принятая в декабре того же года Конституция вновь закрепляла права неханьских национальностей на развитие языка, культуры и т.п. Также впервые в истории Китая был принят специальный закон «О районной национальной автономии» (1984), в котором детализировались различные автономные права.

Порог неханьского населения для образования национальной волости определялся примерно в 30% [24]. Через десять лет в «Положении о работе органов власти в национальных волостях» указывался рекомендательный характер данной пороговой доли [27]. Положением также определялась сфера ответственности местных властей — развитие экономики, финансов, образования, языка и культуры, охрана здоровья населения и т.п. На основании вышеуказанных документов осуществлялось нормотворчество на местах.

В конце XX в. Китай испытывал возрастающую демографическую нагрузку, что привело к довольно жёсткой политике одноплодности. Однако национальные меньшинства, численность которых незначительна (менее 50 тыс. чел.), могли иметь неограниченное число детей [19, с. 91—95]. Согласно ныне действующему «Положению о народонаселении и планировании рождаемости провинции Хэйлунцзян», ороочоны, эвенки, хэчжэ, дауры, киргизы имеют право родить второго ребёнка с интервалом в четыре года [28; 1, с. 46—53].

Согласно данным переписей населения КНР, численность хэчжэ увеличилась с 449 чел. до 5354, т.е. в 11,9 раза (табл. 1). При этом сравнение данных переписей 1964 и 1982, а также 1982 и 1990 гг. даёт любопытные результаты. В первом случае численность населения возросла в 2,07 раза (за 18 лет), а во втором — 2,85 раза (за 8 лет). Такой стремительный рост в первом пике может быть связан с завершением «большого скачка» и «культурной революции», когда стало менее опасно определять свою этническую принадлежность. Второй пик «взрывной этничности» можно объяснить изменившейся конъюнктурой, когда ханьцам в совместных браках стало выгодно по экономическим соображениям указывать национальность хэчжэ.

О размере семьи у хэчжэ могут говорить данные обследования деревни Цзецзинькоу (2003). В 1958 г. средний размер семьи в Цзецзинькоу составлял 5,1 чел., а в 2003 г. сократился до 3,27 чел. (стоит отметить, что в 1950—1970-е гг. проводилась политика поощрения рождаемости [26, с. 395—398]). В 2003 г. преобладали семьи из 3—4 человек (23 семьи состояло из 3 человек; 38 — из 4; 9 — из 5; 7 — из 6; 1 — из 7) [31, с. 55]. Можно заключить, что в настоящее время большая часть семей пользуется

правом на второго и последующего ребёнка. Однако, тенденция к сокращению размера семьи налицо. При сохранении данной тенденции вкупе со старением населения в ближайшее время возможно сокращение численности хэчжэ.

Традиционными занятиями хэчжэ были рыболовство и охота, а с середины XX в. земледелие, в частности, заливное рисосеяние [12, с. 685]. В конце XX — начале XXI в. характер хозяйственной деятельности существенно изменился. В настоящее время они заняты в сельском хозяйстве, животноводстве, лесоводстве, рыболовстве, промышленности, в транспортной, торговой и сервисной сферах. Такая традиционная сфера производства, как рыболовство, постепенно сокращается [25, с. 46]. Подобное сокращение может быть связано как с цикличностью возобновления биоресурсов, так и с проблемами китайской статистики. Сейчас происходит постепенная переориентация населения с занятия рыболовством на животноводство [36, с. 52].

Активно развивается промышленное производство, сфера обслуживания развивается медленнее. По сообщениям китайского информационного агентства Синьхуа, хэчжэ сегодня изменили свой традиционный образ жизни. К началу XXI в. главными отраслями стали сельское хозяйство, скотоводство и туризм. Также хэчжэ стали заниматься лесопосадками. По мнению авторов сообщения, такие изменения в жизни хэчжэ являются «историческим скачком», в результате чего поднялся уровень доходов местных жителей [15].

Уровень доходов. В 1994 г. доходы хэчжэ были в среднем в три раза меньше по сравнению с национальными сельскими поселениями Хэйлунцзяна (550 юаней против 1500). Однако с конца 1990-х ситуация стала меняться. В 1999 г. среднедушевые доходы составили в Цзецзинькоу 1980 юаней, в Бача — 2500 юаней и в Сыпае — 1100 юаней. Для сравнения, в это же время в среднем по сельским районам провинции чистые среднегодовые доходы составляли 2166 юаней [29, с. 151]. Уже в 2005 г. чистые среднедушевые доходы хэчжэ достигли 3499 юаней (в то же время чистые среднедушевые доходы этнических меньшинств, проживающих в сельской местности Хэйлунцзяна составили 2667 юаней) [36, с. 56]. Средние доходы сельского населения Хэйлунцзяна в 2005 г. составляли 3221 юань. Таким образом, рост доходов хэчжэ опережал средние значения как среди неханьцев, так и всего сельского населения провинции.

В 2005 г. доля бедного населения (с доходами менее 1000 юаней) в посёлках Цзецзинькоу и Бача составляла 11,8%. Доля хэчжэ, достигших уровня «вэньбао» («тепла и сытости», доход от 1000 до 2000 юаней), — 23,2%. Остальная часть населения была довольно зажиточной. Из таблицы 2 видна динамика роста уровня доходов.

Важнейшим показателем является также доля расходов на питание (коэффициент Энгеля). В 1999 г. он составлял 49,3% всех расходов хэчжэ. Данное значение характеризует сравнительно бедный уровень (значение коэффициента 30—40 свидетельствует о зажиточном обществе).

Однако в рассматриваемый период показатель коэффициента среди других национальностей Хэйлунцзяна также был довольно низким: у монголов — 56,9; эвенков — 50,3; киргизов — 60,9; дауров — 52,7; маньчжуров — 48,0 [30, с. 27]. К 2005 г. коэффициент Энгеля составлял уже 39,33. В структуре расходов (2270 юаней) на питание тратилось лишь 893 юаня, одежду — 227, медицинское обслуживание — 227. Возросли расходы на транспорт и образование: 227 и 340 юаней соответственно [36, с. 57].

Приведённые данные свидетельствуют о постепенном улучшении качества жизни населения. В целом стандарты жизни хэчжэ приблизились к среднекитайским и даже несколько превзошли их.

Языковая ситуация. В 1930-е гг. хэчжэ в основном использовали нанайский язык, а также маньчжурский, монгольский, но слабо владели (или вовсе не владели) китайским. Однако изучение мест компактного проживания хэчжэ, проведённое в 1957—1958 гг., показало, что из-за соседства с ханьцами и молодёжь, и пожилые люди усвоили китайский язык. Тем не менее коренное население в то время владело родным языком. Ситуация значительно изменилась к 1980-м гг. Обследование 1982—1983 гг. показало, что китайский стал основным языком общения. Национальным языком свободно владели лица в возрасте 55 лет и старше, от 40 до 55 лет — понимали родную речь и могли сказать отдельные слова и простые предложения. Лица младше 30 лет практически не знали родного языка [31, с. 174—175].

В 2001 г. Центр изучения языков северных народов Хэйлунцзянского института национальностей проводил исследование в пос. Цзецзинькоу среди 156 человек. В результате было установлено следующее. 1) Не знали свой язык — 66 чел.; 2) до 100 фраз знало 48 чел.; 3) от 100 до 300 фраз — 6 чел.; 4) 300—500 — 3 чел.; 5) 500—1000 — 7; 6) 2000—3000 — 4; 7) свыше 3000 — 16 человек. Первую и вторую группу составили лица среднего и младшего возраста. Последние — пожилые люди (в этой группе была и молодёжь, получавшая дополнительное образование в магистратуре и аспирантуре) [31, с. 179—183].

В Китае не все малочисленные народы имеют свою письменность. Целому ряду малочисленных народов, даже даурам (131 992 чел. в 2010 г.), в создании собственной письменности было отказано. В 1980-е гг. обсуждался вопрос о целесообразности создания письменности для этнических меньшинств [10, с. 45—51]. Таким образом, попытки создания национальной письменности для неханьских народов Северо-Востока так и не были до конца реализованы.

Несмотря на отсутствие письменности у малочисленных народов Северо-Востока КНР, в школах нашли возможность преподавания на родных языках. Так, в сёлах хэчжэ с начала 1987 г. обучение велось на родном языке. На письме его передают с помощью китайской транскрипционной письменности пиньинь, основанной на латинской графике. Была составлена хрестоматия с параллельным китайским и нанайским текстом, объёмом 10 тыс. знаков. Появление такого издания, как сообщалось, было положительно воспринято хэчжэ [31, с. 261—262].

Следует отметить, что ассимиляционные процессы хэчжэ КНР зашли достаточно далеко. Однако в Китае подобные процессы считаются «прогрессивными» и не вызывают тревоги. Официально это считается этапом строительства «чжунхуа миныйзу» — китайской нации.

Обратимся теперь к опыту России. До 1820-х гг. в отношении инородцев Сибири и Дальнего Востока действовала система косвенного управления (аналог британской системы «indirect rule»). Согласно Положению 1763 г. главной обязанностью инородцев была уплата ясака, во внутренние же дела общин царская власть и её полномочные представители на местах не вмешивались [9]. В 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев», который делил аборигенов Сибири и Дальнего Востока на три группы: бродячих, кочевых, оседлых. К первым относились народы с родо-племенной структурой, ко второй в основном кочевники-скотоводы, третья группа приравнивалась к русским тягловым сословиям. Подтверждалась автономия, в том числе культурная (включая возможность организации «инородческих» школ, принцип добровольного принятия веры и т.д.), особые автономные органы управления, возможность переходить из одной группы в другую по мере социально-экономического развития. В реальности положение в сфере образования, медицинский уровень и др. на землях инородцев были значительно ниже, чем в русских районах. Некоторые исследователи, однако, подчёркивают, что главное достоинство Устава — принцип «ограниченного вмешательства цивилизации» в жизнь традиционного общества [9].

Одним из первых декретов советской власти стала «Декларация прав народов России» (15 ноября 1917 г.), в которой провозглашались равенство всех народов и свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [3]. В советские годы началось активное преобразование жизни малых народов Сибири и Дальнего Востока. Данный процесс имел как позитивные (введение письменности на родном языке, повышение уровня медицинского обслуживания, реализация масштабных программ в области социально-экономического развития), так и негативные последствия (репрессии в отношении родовой элиты, непоследовательная госполитика — от попыток «коренизации» (1920—1930-е гг.) до «русификации» (с конца 1930-х), резкое изменение среды обитания в результате промышленного освоения регионов и массовый наплыв пришлого населения в места, где проживали коренные народы, коллективизация и укрупнение населённых пунктов и т.п.) [9].

Во время распада СССР этнические и национальные процессы стали играть первостепенную роль и находились в русле общей для всего населения страны перестройки социально-экономических отношений, перехода к рынку. На фоне массовой этнической консолидации и политического оформления этнических лобби разного уровня предпринимались попытки законодательного регулирования статуса и положения коренных народов России. Считалось, что рыночные отношения не совместимы

с сохранением традиционной культуры коренных народов. Последнее утверждение кажется нам достаточно спорным (см. 7, с. 176—177).

Современное законодательство РФ в отношении коренных малочисленных народов состоит из федеральных законов и законов субъектов федерации. Федеральный закон № 82 от 30.04.1999 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в редакциях 2004, 2007, 2008, 2009 гг.) в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов (далее КМН) Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов».

Под КМН понимаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Исконной средой обитания КМН законодатель считает исторически сложившийся ареал, в пределах которого народ осуществляет культурную и бытовую жизнедеятельность и который влияет на его самоидентификацию, образ жизни.

Традиционный образ жизни — это исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований. По мысли законодателя поддержание традиционного образа жизни возможно за счёт организации специальных условий хозяйствования и природопользования («родовых хозяйств»), а также поддержки общинных форм самоуправления. Под последним понимается форма самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам и объединяемых по кровнородственному (семья, род) и (или) территориально-соседскому принципам, создаваемым в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры.

Интересы КМН в органах местного самоуправления, а также Субъектов Федерации представляют уполномоченные представители КМН (физические лица или организации).

На основании этнологической экспертизы (научного исследования влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса) органы власти в пределах своих полномочий могут ограничивать хозяйственную деятельность организаций всех форм собственности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов [20].

Несмотря на позитивные пожелания, в современном законодательстве Российской Федерации сохраняется масса лакун, которые вызывают обоснованные опасения со стороны ряда этнических активистов и экспертов. Ими критикуются последние редакции ФЗ № 49 «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и ряд других федеральных законов, которые вводят тендеры на использование природных ресурсов в местах компактного проживания КМН. В результате богатые компании всё чаще ущемляют права КМН по использованию ими биоресурсов. Правительство РФ до сих пор не разработало ряд важных документов (о порядке отнесения к категории КМН, о землеустройстве в местах проживания КМН и др.). Кроме того, с 1 ноября 2012 г. Распоряжением № 2332-р Министерства юстиции Российской Федерации приостанавливалась (до 20.04.2013) деятельность общероссийской общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (RAIPON). Последнее событие — следствие намерения государства контролировать те или иные общественные организации, чья деятельность может влиять или влияет на принятие политических решений, что в целом вписывается в общую тенденцию в отношении НКО России. Конкретная реорганизация, на наш взгляд, нужна была для того, чтобы расставить «своих людей» в руководстве ассоциации. В свою очередь, активисты организации объясняли данный конфликт сознательным намерением соответствующих органов власти ухудшить положение коренных малочисленных народов в целом [14]. В настоящей статье нет возможности подробно обсудить статус и дискурс этнических активистов в свете политической культуры современной России, поэтому мы можем лишь отослать читателя к одной из предыдущих своих работ [7; 8].

Среди коренных народов амуро-сахалинской историко-этнографической области положение нанайцев в целом одно из наименее драматичных. С 1926 по 2002 г. их численность постоянно росла (1926 г. — 5309 чел.; 1959 — 7919; 2002 — 12 160), снижение численности на 157 человек наблюдается по итогам Переписи населения РФ 2010 г. Однако снижение численности в абсолютных и относительных величинах, например, негидальцев и удэгейцев более значительно за тот же период [2].

В структуре населения нанайцев доля мужчин составляет 45,2%, доля городского населения — 29,3%. Владеют родным языком около 7%. Уровень образования среди взрослого населения: высшее — 13,5%, послевузовское — 0,25%, неграмотные — 0,3%, остальные имеют среднее и начальное образование. Доля занятого населения — 34,4%. Число рождённых детей на 1000 женщин — 1784. Намечается отчётливая тенденция по снижению числа рождённых детей и уменьшению размера семьи [2].

По другую сторону Амура в ходе экспедиции 2012 г. нами проводился опрос хэчжэ. Короткий опросный лист содержал анкетный блок и десять

вопросов, посвящённых исследованию горизонтальной мобильности населения, субъективной оценки материального уровня жизни, мотиваций и ценностей в сфере семьи, традиционного уклада жизни, оценке угроз для жизни этноса, а также представлений о традиционных ценностях. Выборка количественно не репрезентативная. Были опрошены десять человек — мужчины и женщины в возрасте от 24 до 76 лет — как в городах, так и в национальных сёлах провинции Хэйлунцзян, а именно г. Харбин, Цзямусы, пп. Цзецзинькоу, Бача, Сяобеллахун, Аоци, Сыпай. По сути, данный опрос можно считать вариантом стандартизированного интервью. Среди опрошенных — учащиеся, два бизнесмена, две домохозяйки, учитель, чиновник, два человека не указали род своих занятий. Почти все опрошенные полностью удовлетворены уровнем своей жизни (исключение — молодой житель Харбина). Четыре человека из десяти испытывают потребность выезда за пределы места постоянного проживания по экономическим причинам; трое (при одном не определившемся) испытывают потребность переезда в более крупный населённый пункт (причём мотивы здесь могут быть любыми, что и показывает диаметрально противоположность респондентов по возрасту и месту проживания) (табл. 3).

Считается, что в традиционной китайской семье рождение мальчика более предпочтительно. У половины опрошенных хэцжэ нет предпочтений по полу ребёнка, четверо хотели бы, чтобы у них был мальчик, один респондент — девочку. Шесть из десяти подчеркнули желательность рождения второго (последующего ребёнка), трое затруднились с ответом, один дал отрицательный ответ (женщина 24—35 лет, указавшая предпочтения по полу ребёнка — дочь) (табл. 4).

При ответе на вопрос — какие угрозы представляются вам наибольшими для существования вашего народа — четверо затруднились с ответом, трое респондентов указали на проблему утраты родного языка. Кроме того, опасения вызывают истощение природных ресурсов и природные катаклизмы (два ответа), возможные боевые действия, экономические, культурные и политические вызовы (без конкретизации). Ни один из респондентов не считает угрозой для своего этноса межэтнические браки (только один респондент указал на то, что угроза возможна в зависимости от национальности супруга) (табл. 5). Это полностью совпадает с ситуацией у российских КМН амуро-сахалинской культурной области.

Важнейшими традиционными ценностями были названы родной язык (шесть респондентов), самоуважение/национальная гордость (два респондента), культура как таковая (два респондента), также назывались традиционное искусство и этическая категория «уважение к старшим».

Половина опрошенных отметила важность сохранения традиционной культуры без каких-либо изменений, половина заявила о том, что традиции нужно сохранять, но они могут изменяться с течением времени (табл. 6). Последний ответ — скрытый отказ от традиционного уклада.

Количественный анализ на основе столь небольшого объёма данных невозможен, поэтому их разумнее рассматривать как дополнительные примеры, подтверждающие общие тенденции, а именно: почти полную утрату хэчжэ родного языка, позитивное отношение к межнациональным бракам, сохранение установок на рождение второго и последующего ребёнка (что коррелирует с положительным уровнем воспроизводства населения), ухудшение ресурсной и экологической составляющей жизни хэчжэ, поколенческий и социальный разрыв при оценке необходимости сохранения неизменным традиционного уклада жизни, высокую удовлетворённость жизнью на фоне повышения уровня благосостояния в последние годы в целом.

Сравнительно низкая горизонтальная мобильность может объясняться не только характером выборки, но и другими причинами (социально-экономическими, социально-психологическими). Поэтому данный вопрос заслуживает дополнительного изучения.

При сопоставлении вышесказанного с данными, полученными нами пять лет назад в Николаевском районе Хабаровского края при опросе представителей коренных малочисленных народов Дальнего Востока России (включая нанайцев), можно констатировать наличие как схожих тенденций, так и определённой специфики [7, с. 173—180; 8, с. 114—124]. Так, данные таблицы 7 свидетельствуют об уровне владения родным языком (в опросе принимали участие 148 респондентов — жителей Николаевского района из числа КМН). Пятибалльный индекс учитывает понимание речи, владение устным и письменным языком. Совокупный индекс владения языком 1,03 свидетельствует о кризисе в этой сфере.

Более 85% опрошенных не видят угрозы для существования своих народов со стороны межнациональных браков. Только треть респондентов желала бы уехать на постоянное место жительства в большой город (что находит аналогии и у хэчжэ КНР). Утрата языка входит в тройку основных угроз для коренных малочисленных народов (табл. 9) [8, с. 121].

Основным же отличием хэчжэ КНР от КМН Дальнего Востока России является гораздо более высокий уровень удовлетворённости жизнью. Данный тезис, конечно, нуждается в дальнейших проверке и уточнении. Причины такой удовлетворённости могут иметь разную природу. В качестве возможной гипотезы мы полагаем индуцирование общероссийских кризисных тенденций. В последнее время при расчёте реального благосостояния стран стал популярным (достаточно спорный среди специалистов) «индекс счастья». Для расчёта индекса используют три показателя: субъективная удовлетворённость жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и т.н. экологический след (мера потребления ресурсов и услуг биосферы на душу населения). Согласно данным NEF (New Economic Foundation) в 2012 г., индекс счастья для Китая равнялся 44,7 (60-е место в мире из 151 государства, принятого в расчёт индекса), тогда как для России — 34,5 (122-е место) [23]. Изучение сходства и различий в жизни коренных малочисленных народов России и Китая должно быть продолжено.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Динамика численности народа хэчжэ в КНР согласно переписям населения (1953—2010 гг.), чел.

Год	1953	1964	1982	1990	2000	2010
КНР	—	718	1489	4254	4640	5354
В т.ч. в пров. Хэйлунцзян	449	698	1397	3747	3901	3613

*Таблица составлена Ставровым И.В.
Источники: 33, с. 488; 35; 37, с. 78.

Таблица 2

Динамика уровня доходов хэчжэ (1999—2005 гг.), %

Доходы Год	менее 1 000 юаней	1 000—1 999	2 000—2 999	3 000—4 999	5 000—9 999	10 000—14 900	15 000—19 900	Более 20 000
	1999	28,0	33,0	39,0	—	—	—	—
2005	11,8	23,2	17,9	20,3	13,4	7,3	2,4	3,7

* Таблица составлена Ставровым И.В.
Источники: 30, с. 28; 36, с. 56.

Таблица 3

Горизонтальная мобильность и удовлетворённость жизнью²

Возраст	Пол	Род занятий	Образование	Место-жительство	Потребность выезда за пределы уезда	Потребность переезда в крупный населённый пункт на ПМЖ	Удовлетворённость жизнью
24—35	Муж.	Учащийся	Магистр и выше	Харбин	+	+	—
24—35	Жен.	Учащийся	Магистр и выше	Харбин	+	+	+
24—35	Жен.	Не указан	Бакалавр	Цзецзинькоу	+	—	+
36—47	Муж.	Бизнесмен	Среднее полное	Цзямусы	+	—	+
72 и старше	Муж.	Учитель	Среднее полное	Цзецзинькоу	—	+	+
24—35	Муж.	Бизнесмен	Среднее полное	Бача	—	Затруднился с ответом	+
36—47	Муж.	Чиновник	Среднее полное	Аоци	—	—	+

² Таблицы 3—6 составлены на основе исследований Ю.В. Латушко Опрос хэчжэ провинции Хэйлунцзян // Полевые материалы автора. Провинция Хэйлунцзян. 08.09.—18.09.2012 г. Знаком «+» отмечен утвердительный ответ, знаком «-» — отрицательный.

Окончание табл. 3

36—47	Жен.	Домо-хозяйка	Среднее полное	Сяобелахун	—	—	+
48—59	Жен.	Домо-хозяйка	Начальное	Аоци	—	—	+
48—59	Жен.	Не указан	Среднее полное	Сыпай	—	—	+

Таблица 4

Предпочтения по полу ребёнка и желательность второго (последующего) ребёнка

Возраст	Пол	Род занятий	Образование	Местожи-тельство	Предпочтение по полу ребёнка	Желательность второго (последующего) ребёнка
24—35	Муж.	Учащийся	Магистр и выше	Харбин	Сын	+
24—35	Жен.	Учащийся	Магистр и выше	Харбин	Нет предпочтений	+
24—35	Жен.	Не указан	Бакалавр	Цзецзинькоу	Дочь	—
36—47	Муж.	Бизнесмен	Среднее полное	Цзямусы	Сын	+
72 и старше	Муж.	Учитель	Среднее полное	Цзецзинькоу	Нет предпочтений	Затруднился ответить
24—35	Муж.	Бизнесмен	Среднее полное	Бача	Нет предпочтений	Затруднился ответить
36—47	Муж.	Чиновник	Среднее полное	Аоци	Сын	+
36—47	Жен.	Домо-хозяйка	Среднее полное	Сяобелахун	Нет предпочтений	+
48—59	Жен.	Домо-хозяйка	Начальное	Аоци	Сын	+
48—59	Жен.	Не указан	Среднее полное	Сыпай	Нет предпочтений	Затруднилась ответить

Таблица 5

Угрозы для существования этноса. Межнациональные браки как угроза

Возраст	Пол	Род занятий	Образование	Местожи-тельство	Угрозы для существования этноса	Межнациональные браки как угроза
24—35	Муж.	Учащийся	Магистр и выше	Харбин	Приход чужаков, истощение ресурсов, утрата родного языка	Зависит от национальности супруга
24—35	Жен.	Учащийся	Магистр и выше	Харбин	Утрата родного языка	—
24—35	Жен.	Не указан	Бакалавр	Цзецзинькоу	Экономические, культурные, политические	—
36—47	Муж.	Бизнесмен	Среднее полное	Цзямусы	Затруднился ответить	—
72 и старше	Муж.	Учитель	Среднее полное	Цзецзинькоу	Затруднился ответить	—
24—35	Муж.	Бизнесмен	Среднее полное	Бача	Затруднился ответить	—
36—47	Муж.	Чиновник	Среднее полное	Аоци	Затруднился ответить	—

Окончание табл. 5

36—47	Жен.	Домохозяйка	Среднее полное	Сяобеллахун	Боевые действия	—
48—59	Жен.	Домохозяйка	Начальное	Аоци	Природные катаклизмы	—
48—59	Жен.	Не указан	Среднее полное	Сыпай	Утрата родного языка	—

Таблица 6

Важные традиционные ценности. Важность сохранения традиции

Возраст	Пол	Род занятий	Образование	Место жительства	Важные традиционные ценности	Важность сохранения традиции
24—35	Муж.	Учащийся	Магистр и выше	Харбин	Язык	Да, но традиция может меняться
24—35	Жен.	Учащийся	Магистр и выше	Харбин	Уважение к старшим	Да
24—35	Жен.	Не указан	Бакалавр	Цзецзинькоу	Язык, традиционное искусство	Да, но традиция может меняться
36—47	Муж.	Бизнесмен	Среднее полное	Цзямусы	Традиционная культура	Да, но традиция может меняться
72 и старше	Муж.	Учитель	Среднее полное	Цзецзинькоу	Язык	Да
24—35	Муж.	Бизнесмен	Среднее полное	Бача	Язык	Да
36—47	Муж.	Чиновник	Среднее полное	Аоци	Язык	Да
36—47	Жен.	Домохозяйка	Среднее полное	Сяобеллахун	Национальная гордость	Да, но традиция может меняться
48—59	Жен.	Домохозяйка	Начальное	Аоци	Самоуважение	Да
48—59	Жен.	Не указан	Среднее полное	Сыпай	Язык, культура	Да, но традиция может меняться

Таблица 7

Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Николаевского района Хабаровского края, (среднее значение в баллах по пятибалльной шкале)

В какой степени Вы понимаете родную разговорную речь?	1,6
В какой степени Вы говорите на родном языке?	0,8
В какой степени Вы владеете письменным родным языком?	0,7

Таблица 8

Отношение к бракам с представителем другой национальности у КМН Николаевского района Хабаровского края, %

Положительно, независимо от национальности	85,1
Положительно, в зависимости от национальности	12,2
Брак должен быть только с представителем своей национальности	2,7

Таблица 9

**Степень угроз существованию коренных народов
в Николаевском районе, %**

Пьянство	25,68
Утрата языка	24,32
Разрушение природной среды	8,19

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Веремейчик А.С. Демографическое развитие Северо-Восточного Китая (1949—2010 гг.) // Ойкумена. 2011. № 4. С. 46—53.
2. Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.10.2012).
3. Декларация прав народов России // Большая советская энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969—1978.
4. Дэн Сяопин. О движении за упорядочение стиля работы. Доклад на 3-м расширенном пленуме ЦК КПК 8-го созыва 23 сентября 1957 года. Пекин, 1957. 61 с.
5. Китайская Народная Республика в 1995—1996 гг.: политика, экономика, культура. М.: Вост. лит. 1997. 283 с.
6. Конституция Китайской Народной Республики // Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики / пер. с кит. М., 1955, 437 с.
7. Латушко Ю.В. Национально-культурное возрождение в посттрадиционных обществах (проблема качественной и количественной оценки) // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2. С. 173—180.
8. Латушко Ю.В. Ценностные трансформации у народов Нижнего Амура (по материалам исследований осени 2007 г.). Т. 5. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 114—124.
9. Мастюгина Т., Стельмах В. Малые народы Севера и Дальнего Востока. Основы правового статуса в свете принципов международного права и зарубежного опыта. URL: <http://www.hrighs.ru/text/b4/Chapter4.htm> (дата обращения: 17.12.2011).
10. Москалев А.А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). М.: Вост. лит., 1992. 183 с.
11. Москалев А.А. и др. Национальный вопрос в КНР (1949—1994 гг.). М.: ИДВ РАН, 1996. (Информ. бюл. ИДВ РАН № 1). Ч. 1. 212 с.
12. Народы Восточной Азии. М.; Л.: Наука, 1965. 1027 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Т. 38. СПб., 1830. № 29126.
14. Почему Россия приостановила деятельность Ассоциации малочисленных народов. URL: <http://dnevnik.ykt.ru/HALAN/512086> (дата обращения: 21.02.2013).
15. Проживающие в районе слияния рек Хэйлунцзян, Сунхуацзян и Усулицзян представители национальности хэчжэ меняют уклад экономической жизни. URL: <http://www.asiatimes.narod.ru/news2001/1001/0099.html> (дата обращения: 12.09.2006).
16. Резолюция I Всекитайского съезда Советов по национальному вопросу в Китае // Программные документы китайских советов: Сб. М.: Партиздат, 1935. С. 50—53.
17. Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики (1931—1934) / отв. ред. Л.М. Гудошников. М.: Наука, 1977. 144 с.
18. Ставров И.В. Законодательное регулирование национальной политики и районной национальной автономии КНР // Девятая дальневосточная конференция молодых историков. Сб. материалов / науч. ред. В.Л. Ларин. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 243—258.
19. Ставров И.В. Социальное развитие национальных районов Северо-Восточного Китая (1978—2002 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2007. № 3. С. 90—104.

20. Федеральный закон № 82 от 30.04.1999 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения: 04.05.2013).
21. Федеральный закон № 49 от 07.05.2001 «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12122856/> (дата обращения: 04.05.2013).
22. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: документы. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1982. 186 с.
23. The Happy Planet Index: 2012 Report. URL: <http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf> (дата обращения: 11.02.2013).
24. Гоуюань гуаньюй цзяньли миньцзусян вэньтидэ тунджи = Уведомление Госсовета об образовании национальных волостей. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64184/64186/66699/4495325.html> (дата обращения: 25.01.2013).
25. Гуаньюй вого хэчжэцзу цзюйцзюйцзюй туйцзинь цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуй цзиньчэндэ дяоянь баогао = Доклад о всеобщем строительстве общества сяокан в районах компактного проживания хэчжэ // Хэйлунцзян миньцзу цункань. 2005. № 2. С. 44—55.
26. Миньцзу чжэнце гайлунь = Обзор национальной политики. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2010. 412 с.
27. Миньцзусян синчжэн гунцзо тяоли = Положение о работе органов власти в национальных волостях. URL: <http://www.seac.gov.cn/gjmw/zcfg/2004-07-23/1168742761847508.html> (дата обращения: 25.01.2013).
28. Хэйлунцзян шэн жэнькоу юй цихуа шэньюй тяоли = Положение о народонаселении и планировании рождаемости в пров. Хэйлунцзян. URL: <http://baike.baidu.com/view/4230917.htm> (дата обращения: 25.01.2013).
29. Хэйлунцзян тунци няньцзянь — 2001 = Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян — 2001. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2001. 440 с.
30. Хэйлунцзяншэн шаошу миньцзу нунцунь цзюйминь цзятин шэнхо чжуанкуан хэ шэнхо чжилян дяоянь баогао = Доклад о качестве жизни и современном положении сельских домохозяйств национальных меньшинств пров. Хэйлунцзян // Хэйлунцзян миньцзу цункань. 2000. № 4. С. 21—30.
31. Хэчжэцзу. Хэйлунцзян Тунцзянши Цзецзинькоусян дяоча = Народ хэчжэ. Исследование уезда Цзецзинькоу и г. Тунцзян провинции Хэйлунцзян / гл. ред. Хуан Цзэ и Лю Цзиньмин. Куньмин: Юньнань дасюэ чубаньшэ, 2004. 338 с.
32. Чжан Цзябинь. Хэчжэцзу = Народ хэчжэ // Хэйлунцзян шаошу миньцзу цзяньши (Краткая история национальных меньшинств провинции Хэйлунцзян) / под ред. Фан Яня. Пекин: Чжунъян миньцзу сюэюань чубаньшэ, 1992. С. 108—118.
33. Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2004 = Статистический ежегодник национальностей Китая — 2004. Пекин. 2004. 697 с.
34. Чжунго миньцзу цзюйюй цзычжи фачжань баогао (2010). Миньцзу фачжань ланьпишу = Доклад о развитии районной национальной автономии Китая за 2010 г. Синяя книга о развитии национальностей. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2011. 394 с.
35. Чжунго 2010 нянь жэнькоу пуча цзыляо = Материалы Всекитайской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2012. Табл. 1—6. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с коробки диска.
36. Шу Цзинян, Шу Цзинчунь, Ю Цзяньхун. Дуй хэчжэцзу цзюйцзюйцзю «шиу» цицзянь цзинци хэ шэхуй фачжаньдэ дяоча фэньси = Обследование социально-экономического развития районов компактного проживания хэчжэ в годы 10-й пятилетки // Хэйлунцзян миньцзу цункань. 2006. № 5. С. 50—58.
37. Ян Хань. Гайгэ кайфа илай хэчжэцзу цзинци шэхуй куаюэши фачжань = Скачкообразное социально-экономическое развитие народа хэчжэ с начала эпохи реформ и открытости // Хэйлунцзян миньцзу цункань. 2010. № 2. С. 78—83.